

86124

ПЯТЬДЕСЯТЬ ЛѢТЪ РАБОТЫ ДЛЯ НАРОДА.

(Къ 50-ти лѣтнему юбилею Х. Д. Алчевской).

Х. Д. Алчевская.

1144022
Чистый доход отъ изданія предназначенъ на образованіе при Комиссіи воскресныхъ школъ фонда имени Х. Д. Алчевской для выдачи пособій воскреснымъ школамъ.

3. 10. 1913
86234

МОСКВА.

Тип. П. П. Рябушинского. Москва, Путиковский пер., соб. домъ.
1912.

Пятьдесятъ лѣтъ работы для народа

(Къ пятидесятилѣтнему юбилею Х. Д. Алчевской).

Въ концѣ 50-хъ годовъ въ Россіи повѣяло свободой. Это было наканунѣ освобожденія крестьянъ. Все ожидалось въ русской жизни, и съ радостнымъ трепетомъ ожидался счастливый день, когда снадутъ цѣпи съ народа-раба, и онъ, свободный, выйдетъ на свой „свободный трудъ“. Но народъ былъ теменъ, невѣжественъ, безграмотенъ, и одной изъ первыхъ заботъ общества, горѣннаго желаніемъ быть ему полезнымъ, была забота объ его просвѣщеніи. И въ эти именно годы, наканунѣ реформы, началось широкое просвѣтительное движеніе: повсюду открывались школы, бібліотеки, учрежденія для подготовки учителей, издавались журналы, въ которыхъ писали о вопросахъ воспитанія и обученія; наконецъ,—совершенно новое дѣло, начали открываться частныя школы для взрослыхъ. А такъ какъ взрослые рабочіе люди въ будни не имѣютъ досуга, то такія школы начали дѣйствовать по воскресеньямъ. Народъ повалилъ въ эти школы: подростки, взрослые, даже старики,—все шло сюда, сознавая, что безъ знаній уже не проживешь на свѣтѣ. И въ 2—3 года такихъ воскресныхъ школъ открылось болѣе 300. Съ увлеченіемъ отдались работѣ въ этихъ школахъ и русская интеллигенція, и здѣсь, среди добровольныхъ, безплатныхъ учителей, можно было встрѣтить самыхъ разнообразныхъ людей—и богатыхъ, и бѣдныхъ, и мужчинъ и женщинъ, и старыхъ, и молодыхъ. Весело, дружно, энергично велась работа въ этихъ школахъ для взрослыхъ; самыя теплыя отношенія царствовали между учащими и учащими, и быстро достигались удивительные успѣхи: безграмотные люди научались читать и писать, у всѣхъ въ рукахъ была книга, и лучшія мысли лучшихъ людей наша родная литература,—дѣлались достояніемъ тѣхъ,

кто еще недавно жилъ въ полной тѣмѣ. Правда, это широкое движеніе не долго продержалось. Очень скоро, по подозрѣнію въ неблагонадежности, воскресныя школы были поставлены въ тяжелыя условія работы: были сокращены ихъ программы, были изъяты нѣкоторые учебники и книги. А еще черезъ нѣсколько времени всѣ такія школы были закрыты „до преобразованія ихъ“, какъ было объявлено начальствомъ. И, дѣйствительно, школы эти были преобразованы: онѣ были приравнены по программамъ и учебникамъ къ начальнымъ училищамъ. И была понятно, что когда можно было открывать вновь эти школы, работа въ нихъ уже не могла увлечь, какъ прежде: взрослымъ людямъ изъ народа такая школа, гдѣ все было сколкомъ со школъ дѣтскихъ, давала слишкомъ мало, а бесплатнымъ учителямъ этихъ школъ была уже тяжела работа, поставленная въ такія узкія рамки. И опустили эти школы, и замерло это движеніе, такъ дружно и успѣшно было начавшееся.

Но бывали годы, когда прежнее увлеченіе этимъ дѣломъ охватывало русскую интеллигенцію, и открывались новыя и новыя школы, и оживлялась прежняя дѣятельность. И эта работа, начатая русской интеллигенціей 53 года тому назадъ, продолжается и до сего дня. Правда, было въ ней много остановокъ и заминокъ, правда, она шла скачками, должна была преодолевать немало препятствій и ограниченій; правда, результаты этой работы много меньше тѣхъ, на какіе рассчитывали друзья народнаго просвѣщенія, но все-таки она не заглохла, а продолжается. Сейчас, кромѣ воскресныхъ школъ по городамъ и деревнямъ, кромѣ вечернихъ школъ и курсовъ, есть публичныя лекціи, есть кое гдѣ и средняя школа для взрослыхъ, и народныя университеты. И все это движеніе, созданное обществомъ, существующее на общественныя средства и держащееся общественною и большею частью бесплатной работой, выросло изъ тѣхъ первыхъ воскресныхъ школъ, которыя возникли наканунѣ освобожденія крестьянъ.

И вотъ, въ одной изъ первыхъ такихъ воскресныхъ школъ, 50 лѣтъ тому назадъ, въ Харьковѣ начала свою работу по обученію взрослыхъ Христина Даниловна Алчевская, чей 50-лѣтній юбилей празднуютъ въ нынѣшнемъ году всѣ, кому дорого просвѣщеніе народа. Прослужить 50 лѣтъ одному дѣлу, отдавать ему всю душу, какъ это дѣлаетъ Христина Даниловна, работать не за страхъ, а за совѣсть, это такая заслуга, которую не

можетъ забыть общество. И общество въ день 50-лѣтняго юбилея честной работницы кланяется ей низкимъ поклономъ.

Христина Даниловна родилась въ 1841 году, въ г. Борзнѣ Черниговской губерніи. Ея мать умная, талантливая, богатая, противъ воли родныхъ вышла замужъ за бѣднаго учителя городского училища, но этотъ бракъ по любви не принесъ ей счастья. Человѣкъ сухой и черствый, отецъ Х. Д. жилъ съ женой, не дружно; съ дѣтьми онъ былъ неласковъ, и вообще въ домѣ у нихъ перѣдко было гнетуще-тяжело. Большое состояніе матери очень скоро было прожито, и семья жила бѣдно на одно учительское жалованье отца (у Х. Д. было еще два брата моложе ея). Печальны были дѣтскіи воспоминанія Х. Д.: она помнитъ тяжелыя сцены между отцомъ, несправедливо обижавшимъ мать, которая боготворила его и все ему прощала: она помнитъ жестокия наказанія, какимъ отецъ подвергалъ ея младшихъ братьевъ; она помнитъ ужасныя сцены, когда крѣпостныхъ дѣвушекъ ея матери по приказанію отца наказывали розгами, а она, еще ребенокъ, и ея братья изъ отчаянія бросались передъ отцомъ на колѣни и, рыдая, умоляли простить несчастныхъ. Большимъ горемъ было для дѣвочки рѣшеніе отца не учить ее грамотѣ. Какъ ни просила объ этомъ мать, какъ ни умолила сама дѣвочка, отецъ былъ непреклоненъ, находя, что грамота совсѣмъ не нужна для женщины. „Зачѣмъ?—спрашивалъ онъ. Чтобы писать любовныя записочки?“ И учитель семинаристъ былъ приглашенъ только для братьевъ. „Никто не видѣлъ, пишетъ Х. Д. въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ, забравшись въ уголокъ одиночаго сада, рыдала маленькая дѣвочка, лишенная права учиться, о чемъ она такъ мечтала. Но дѣвочка эта отличалась настойчивостью въ достиженіи цѣли: какъ только приходилъ семинаристъ и начиналъ занятія съ мальчиками, она подкрадывалась къ запертой двери, немножко пріотворяла ее и съ жадностью ловила каждое слово учителя. Такимъ образомъ она научилась читать и писать раньше, чѣмъ ея братья“. Когда мальчиковъ отдали въ гимназію, она, предоставленная себѣ, съ жадностью принялась за чтеніе, а по возвращеніи братьевъ изъ гимназіи съ горячимъ интересомъ разспрашивала ихъ о занятіяхъ, вмѣстѣ съ ними готовила уроки и, такимъ образомъ, брала съ бою тѣ знанія, въ которыхъ отказала ей судьба. Талантливость ея проявилась рано. Едва выучившись читать,

она вѣзусь знала всѣ басни Крылова и декламировала ихъ съ такимъ выраженіемъ, что ее заслушивались. Вскорѣ она перечитала почти всю библіотеку отца, хотя въ этой библіотекѣ книги были не для дѣтей. Но эти книги питали живое воображеніе дѣвочки, и она не только сама переживала горести и радости героевъ и героинь, — она дѣлала этихъ героевъ дѣйствующими лицами своихъ дѣтскихъ игръ. „Я не играла въ обыкновенныя дѣтскія куклы“, пишетъ Х. Д. въ своихъ воспоминаніяхъ, „такъ какъ намъ не на что было покупать ихъ, а придумала вырѣзывать изъ бумаги самыя разнообразныя фигурки и одѣвать ихъ тоже въ бумажныя платьица. Здѣсь были и важныя дамы, и нарядныя барышни, и генералы, и господа во фракахъ, и музыканты, и лакеи, и горничныя. У каждаго изъ насъ дѣтей былъ свой столикъ. Я завладѣла самымъ лучшимъ: большимъ и съ полочкой, и пристроила его въ углу. Такимъ образомъ у меня образовалось два этажа — верхній и нижній. Въ нижнемъ помѣщались комнаты, а въ верхнемъ — роскошный залъ съ хорами; хоры, конечно, я сдѣлала сама изъ картона и цвѣтной бумаги, точно также, какъ и мебель, приводившую въ удивленіе и восторгъ моихъ братьевъ. Семейства ихъ бумажныхъ куколъ прѣзжали къ намъ, и знакомство съ ними домомъ считалось большой честью. Игры у насъ были самыя разнообразныя, вычитанныя мною изъ романовъ; такъ напримѣръ, Синдикъ университета, (не знаю, гдѣ я вычитала это названіе) человѣкъ очень умный и талантливый полюбилъ свѣтекую богатую дѣвушку, пернюю красавицу моего салона, и, когда родители отказали ему, онъ лишилъ себя жизни. Помню, какія пышныя похороны устроили мы ему: гробъ былъ выклеенъ серебряной бумагой, за гробомъ шла масса народа — всѣ бумажныя куклы, которыя имѣлись у насъ, на гробу лежали вѣнки изъ маленькихъ искусственныхъ цвѣтовъ, которые мы выпросили со старой шляпы нашей матери. Процессія тянулась отъ столика и до рояля, который считался у насъ тѣмъ-то вродѣ церкви; въ продолженіи всего пути мы пѣли вѣчную память, прерывая пѣніе рыданіями: барышня красавица тоже рыдала. Но бывали у насъ на этомъ старомъ роялѣ и свадьбы. Тогда я садилась за фортепьяно и подъ аккомпаниментъ его мы пѣли: „Господи помилуй“, въ этомъ заключался весь обрядъ. Игры наши были настолько интересны, что когда у матери нашей бывали гости,

они подкрадывались потихоньку къ дверямъ и цѣлыми часами слушали насъ, между тѣмъ, какъ мы не подозрѣвали этого.

„Изъ нея непремѣнно выйдетъ писательница“, говорили дамы, восхищаясь силой моего воображенія.

А въ это время доморощенный оркестръ, состоявшій изъ моихъ двухъ братьевъ, пилилъ на гребешкахъ ма-зурку, за что я платила имъ по копейкѣ въ вечеръ*.

Выдающіяся способности дѣвочки обнаружались однажды совершенно неожиданнымъ образомъ. Дѣло было такъ. Братьямъ въ гимназiи задавали сочиненія, и работу эту начала выполнять за нихъ сестра. Сочиненія обрашали на себя вниманіе учителей, и нерѣдко на поляхъ тетрадей мальчишекъ стояли такіе отзывы: „прекрасно“, „великолѣпно“, „виденъ несомнѣнный талантъ“. Семья Х. Д. въ это время жила очень бѣдно, у братьевъ часто не хватало ни книгъ, ни учебныхъ пособій, и купить всего этого было неначто. Пловъ дѣвочка задумала использовать свои сочинительскія способности, чтобы помочь братьямъ: она стала за плату писать сочиненія гимназистамъ. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ Х. Д. въ своихъ воспоминаніяхъ. „Въ братьяхъ моихъ (которыхъ считали за авторовъ прекрасныхъ сочиненій) стали заискивать товарищи: „напиши мнѣ къ завтраму сочиненіе, я дамъ тебѣ за это двугривенный“. „А я карандашъ и ручку“, а я дюжину перьевъ и тетрадь“, говорили они наперерывъ. И я съ восторгомъ получала эти двугривенные и прибрѣтала на нихъ необходимыя для братьевъ учебники. Но вотъ что случилось однажды мнѣ пришлось писать сочиненія ночью: ихъ было такъ много и всѣ на произвольныя темы. Голова моя отяжелѣла, глаза смыкались и, не соображая болѣе, что я должна говорить отъ лица мальчика, а не дѣвочки, я начала писать „я была“, „я видѣла“ и т. д. Само собою разумѣется, что это обратило вниманіе учителя и началось дознаніе“.

Литературныя упражненія дѣвочки не ограничились однимъ писаніемъ сочиненій для гимназистовъ; скоро обратили на себя вниманіе ея стихотворенія, напечатанныя въ газетѣ, о которыхъ заговорили въ Курскѣ, гдѣ тогда жила семья; и отецъ, такъ противившійся тому, чтобы дѣвочка училась грамотѣ, не могъ не гордиться теперь, когда дочь его называли „поэтессой“. Годы плыли; дѣвочка превратилась въ молодую, красивую дѣвушку, которая поражала многихъ своею несомнѣнною даро-

витостью: она прекрасно и выразительно читала, удивительно талантливо играла на сценѣ, а ея чудный голосъ и красивая наружность сулили ей выдающуюся артистическую карьеру. Но и тутъ отецъ воспротивился тому, чтобы развивать этотъ даръ и не согласился отпустить дочь учиться ибѣю, какъ это предлагала знакомая семья.

16-ти лѣтъ Х. Д. лишилась матери, которую страстно любила, и это первое большое горе глубоко потрясло ее. Жизнь въ семьѣ стала еще тяжелѣе. Зато Х. Д. въ эти годы познакомилась съ интересными людьми; она стала бывать въ кружкахъ молодежи, гдѣ много читали, спорили, много говорили, о народѣ, о работѣ для народа. Живая, пылкая, талантливая дѣвушка переходила отъ одного увлеченія къ другому: то она пожинала лавры исключительныхъ успѣховъ, участвуя въ спектакляхъ въ самыхъ свѣтскихъ домахъ Курска (что особенно нравилось ея честолюбивому отцу), то она пропадала въ кружкѣ ссыльнаго Левченко, гдѣ собиралась серьезная молодежь, то она увлекалась малорусскимъ движеніемъ, то, случайно попавъ въ деревню и впервые увидавъ школу и деревенскихъ ребятшекъ, она загоралась интересомъ къ этому новому для нея дѣлу. Во всякомъ случаѣ, не даромъ прожила она эти годы: она впитала въ себя мысли и чувства эпохи 60-хъ годовъ, а это были честныя мысли и добрыя чувства,—и они были направлены къ народу.

Очень молодой дѣвушкой Х. Д. вышла замужъ за Алтеевскаго и переехала на житье въ Харьковъ. Очувтившись въ большомъ культурномъ городѣ послѣ заскорузлаго Курска, пишетъ Х. Д. въ своемъ дневникѣ,—я вся пламенѣла желаніемъ окунуться въ общественную дѣятельность и сдѣлать въ жизни что-либо большое, хорошее“. И съ этого времени, съ первыхъ лѣтъ своей замужней жизни Х. Д., дѣйствительно, не переставала дѣлать въ жизни „большое и хорошее дѣло“. Такое было тогда время, что жизнь была ключемъ, и лучшіе люди рвались на работу для народа. Такая же горячая симпатія къ народу жила въ душѣ и Х. Д. Эта симпатія зародилась въ ней еще тогда, когда она дѣвочкой, съ ужасомъ въ дѣтской душѣ присутствовала при экзекуціяхъ, какія ея отецъ производилъ надъ несчастными крѣпостными дѣвушками; эта симпатія упрочилась также еще въ дѣтствѣ, когда она не только любила и жалѣла своихъ крѣпостныхъ слугъ, но и

Х. Д. Алчовская въ 1862 году.

тогда уже стремилась что-нибудь сдѣлать для нихъ. „Съ самаго ранняго дѣтства,—пишетъ Х. Д. въ своихъ воспоминаніяхъ,—я чувствовала какой-то особенный интересъ къ кухнѣ, куда намъ, дѣтямъ, запрещено было ходить. Я очень любила всѣхъ материнскихъ слугъ, и они любили меня. И вотъ, когда отца и матери не было дома или они были заняты гостями, я пробираюсь потихоньку въ подвальный этажъ кухни со своею любимую книжкою въ рукахъ, усаживалась на почетное мѣсто, на скамейку подъ образами, и начиналось громкое чтеніе. Вѣроятно, въ это чтеніе я влагала много чувства и выразительности, такъ какъ моя аудитория слушала меня, затаивъ дыханіе, и въ кухнѣ раздавались то громкій смѣхъ, то сдержанные вздохи женщинъ“.

Быть-можетъ, и та яркая картина народной школы, какую видѣла Х. Д. въ имѣніи своей дѣвичьей подруги, не осталась безъ вліянія на выборъ дѣла ея жизни и дала опредѣленное направленіе той жаждѣ поработать для народа, какое захватило тогда многихъ лучшихъ людей. Х. Д. выбрала себѣ дорогу въ жизни: Талантливая молодая женщина, которая могла бы быть выдающейся писательницей, выдающейся артисткой, выдающейся иѣвицей,—она предпочла быть только учительницей, и всю жизнь осталась ею. И никогда она не раскаявалась въ сдѣланномъ выборѣ. Впоследствии многіе, даже такіе писатели, какъ Тургеневъ, Достоевскій, Толстой, говорили ей, что изъ нея могла бы выйти писательница, что у нея выдающіяся литературныя способности. „Какую гордость испытывала я,—говоритъ Х. Д., вспоминая объ этомъ въ одномъ изъ своихъ писемъ,—какую гордость испытывала я отъ сознанія, что вмѣсто того, чтобы писать романы, я отдаю всѣ свои силы и способности народу“.

Въ Харьковѣ, когда туда переѣхали Алчевскіе, только-что открылась воскресная школа, и Х. Д. поступила въ нее учительницей. Молодая чета Алчевскихъ въ это время жила болѣе чѣмъ скромно. У мужа Х. Д. былъ маленькій чайный магазинъ, и оба они торговали въ немъ, и этой торговлей только и существовали. Воскресная школа, въ которой начала работать Х. Д., очень скоро, какъ и другія школы, была закрыта начальствомъ по подозрѣнію въ неблагонадежности, и приходилось прекращать такъ хорошо начавшееся дѣло. Въ школѣ распоряженіе о закрытіи ея вызвало большое волненіе: и учительницы, и ученицы растерялись;

— Да, вот уже 50 лет на своем посту, то

КАК ПРАВИЛЬНУ РАДОВАТЬСЯ ЕЕ УРОКАМ

У 1. АЗЕРБАЙДЖАНСКОЕ ИСПОЛНЕНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ПЕСНЯ

вызвали целый хор восторжен-
м-ной выставкѣ въ Париж-

[illegible][illegible][illegible]

пришедших выразить чувства глубокаго уваженія честной работѣ своего старшаго товарища. Послѣ учительницъ говорили многіе другіе: представители обществъ, профессора, частныя лица, и каждый сумѣлъ сказать свое искреннее и горячее слово. А телеграммы и письма! Изъ за границы, изъ Сибири, изъ глухихъ провинціальныхъ захолустій, отъ извѣстныхъ педагоговъ, отъ скромныхъ народныхъ учителей, отъ крестьянъ, отъ бывшихъ ученицъ шли эти письма и телеграммы. И каждое привѣтствіе было такъ хорошо, такъ своеобразно, такъ не похоже одно на другое. Вотъ наивное письмо крестьянина, который благодаритъ Х. Д. за то, что она потрудилась надъ просвѣщеніемъ безграмотнаго люда, вотъ трогательный адресъ отъ гимназистокъ, которыя пишутъ, что Х. Д. указала имъ дѣло жизни; вотъ письмо сельской учительницы, которая говоритъ, что легче жить на свѣтѣ когда знаешь людей, которые такъ любятъ народъ. Конца нѣтъ привѣтствіямъ. А Х. Д., величавая, спокойная, низко склонивъ свою сѣдую голову, какъ бы бессильно опустивъ руки, слушала всѣ эти привѣтствія съ серьезнымъ достоинствомъ и отвѣчала на нихъ глубокимъ, какимъ то поэтическимъ по простотѣ поклономъ. Щеки ея покрылись совсѣмъ молодымъ румянцемъ, глаза горѣли юношескимъ жаромъ, и вся она точно расцвѣтала, молодѣла въ этой атмосферѣ всеобщаго уваженія, симпатіи и любви. А потомъ празднованіе было перенесено въ школу. Огродная свѣтлая комната была вся убрана гирляндами зелени и цвѣтами. Большой портретъ Х. Д., который нарочно для этого торжества былъ принесенъ ученицами, обвить лавровымъ вѣнкомъ. Весь полъ усыпанъ зеленью и цвѣтами. Послѣ молебна и рѣчи законоучителя, Кати Сизова, одна изъ старшихъ ученицъ школы, прочла составленный ею трогательный и милый адресъ. „Вотъ ужъ тридцать лѣтъ, какъ вы ведете общественное дѣло, читала дѣвушка, тридцать лѣтъ, какъ трудитесь для блага народа, для народнаго просвѣщенія. И за это время сколько сдѣлали вы славнаго добраго, хорошаго, сколько принесли общественной пользы. Какъ преданы вы своему дѣлу, съ какою любовью относитесь къ нему, вы всю душу вкладывали въ него, и какъ любите насъ, научаете всему хорошему, стараетесь прививать намъ все честное доброе благородное!“ Голосъ Кати на минуту какъ бы оборвался и задрожалъ слезами, но она передохнула, оправилась

Х. Д. Лазчевский въ 1912 году.

и дочитала съ глубокимъ чувствомъ. Папка, въ которую быть положенъ адресъ ученицъ, очень удачно гармонировала со всей обстановкой этого свѣтлаго праздника: она была изъ бѣлаго атласа, съ вышитыми на немъ незабудками—работы ученицъ; „Дорогой учительницѣ Христинѣ Даниловнѣ Алчевской“, гласила также шелкомъ вышитая надпись, а самый адресъ быть покрытъ болѣе чѣмъ девятьюстами подписей: рядомъ съ красивымъ увѣреннымъ почеркомъ стояли каракули едва выучившейся грамотѣ, и вкривъ и вкосъ шли эти разнообразныя подписи, но каждая изъ нихъ говорила такъ много. Изъ-за строкъ этихъ наполнившихъ два листа подписей вставали передъ глазами простыя добрыя лица и, казалось, раздавались слова одного изъ ученическихъ писемъ: „мы были какъ слѣпыя, а теперь узнали радость и счастье“. Какое трогательное впечатлѣніе производила эта убранная зеленью зала эти цвѣты, вѣйки, зелень, эти взволнованныя лица, эти отуманенные слезами глаза; 60-лѣтняя старушка, самая старая ученица школы, взобралась на стулъ, чтобы все видѣть и утирала глаза кончикомъ клѣтчататаго платка...

На минуту все стихло, и Х. Д. сказала нѣсколько словъ своимъ красивымъ груднымъ голосомъ. Она благодарила ученицъ за ихъ дорогую для нея ласку и привѣтъ, говорила, что глубоко тронута и гордится этимъ, „но—прибавила она,—сегодняшній праздникъ не мой только праздникъ, и я не могу одна принять вашу благодарность. Одна—я, продолжала она,—не смогла бы сдѣлать того, за что вы такъ ласково благодарили меня; одному человѣку это не подъ силу. Мои товарищи, друзья и помощники, всѣ учительницы нашей школы,—вотъ кого благодарите. Онѣ работали честно и стойко, инныя изъ нихъ отдавали школѣ единственный свой свободный день, онѣ поддерживали меня въ тяжелыя минуты нашей школьной жизни; онѣ—такія же, какъ и я, участницы сегодняшняго праздника“. И въ устахъ Х. Д. эти слова были совершенно искренни: она никогда не отдѣляетъ себя ни отъ любимаго дѣла, ни отъ своихъ товарищей по дѣлу; въ признаніи своихъ заслугъ она видитъ торжество дѣла и его участницъ, а въ своемъ праздникѣ,—праздникъ школы и своихъ сотрудниковъ. И вотъ со времени этого праздника прошло еще 20 лѣтъ, а Х. Д. каждое воскресенье на своемъ посту. Ей уже 71 годъ, она съ трудомъ поднимается по лѣстницѣ, и ее на крестѣ вносятъ въ классъ „Плоть немощна“. Но духъ

такъ же бодръ въ этой удивительной женщинѣ, и на него не дѣйствуютъ годы. На него не дѣйствуютъ и испытанія. 10 лѣтъ тому назадъ Х. Д. пережила огромное личное несчастье. Трагически умеръ ея мужъ, человѣкъ, котораго она беззаветно любила и съ которымъ дружно прожила 40 лѣтъ; какъ сонъ, исчезло ея огромное богатство; пришлось продать домъ, въ которомъ она счастливо прожила долгіе годы; пришлось продать ея роскошное имѣніе Алексѣевку, гдѣ она создала свою школу, гдѣ была ея хатка, въ которой она столько лѣтъ подлѣ-рядъ читала съ крестьянами. Пришлось переселиться въ маленькую квартирку и начать скромную жизнь на заработокъ дѣтей. Нелегко человѣку немолодому (Х. Д. было въ это время 60 лѣтъ) привыкать къ новому строю жизни, да еще подлѣ гнетомъ огромнаго личнаго горя. Но не сломилась сильная натура ея, не поддалась она несчастью, не опустила рукъ, а продолжала жить и работать. И въ день ея 50-лѣтняго юбилея въ этомъ году, опять, какъ 20 лѣтъ назадъ, объединятся всѣ въ чувствѣ горячаго сочувствія и искренняго уваженія къ человѣку, который такъ честно дѣлаетъ свое дѣло жизни".

Э. Вахтерева.

